

УДК 327.8

ХЛОПОВ Олег Анатольевич — кандидат политических наук, доцент факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) (125993, Россия, г. Москва, ГСП-3, Миусская пл., 6; rgg2007@rambler.ru)

РОССИЯ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ

Аннотация. Сегодня энергетическая политика Европы стала заложником неурегулированного соперничества и между ЕС и Россией и геополитической конкуренции между США и Россией, которая также проникает в энергетическую сферу ведущих акторов мировой политики. В то же время бинарная интерпретация взаимодействий, которая доминировала в анализе энергетических отношений в Европе в последние десятилетия, сегодня уже устарела. Южный Кавказ, Черное море, а также соседнее Восточное Средиземноморье в последние годы превращают Турцию в третьего ключевого игрока, интересы которого тесно связаны с Россией. Энергетическая политика Турции направлена на повышение своей энергетической независимости, что подразумевает диверсификацию импорта углеводородных ресурсов, превращение Турции в энергетический хаб с целью усиления своей роли в регионе Средиземноморья и на международной арене, особенно после начала специальной военной операции России на Украине в 2022 г.

Ключевые слова: энергетическая политика, геополитика, международные отношения, энергетическая безопасность, Россия, Турция, ЕС

Наряду с ведущими игроками на энергетическом рынке (ЕС и Россия), в последние годы все более напористым становится третий ключевой игрок. Турция претендует на роль как стратегического регионального лидера, так и незаменимого энергетического актора на Южном Кавказе, в Причерноморье, а также в соседнем Восточном Средиземноморье.

Российско-турецкие энергетические отношения были официально инициированы в 1986 г., когда между двумя странами было подписано первое газовое соглашение. После распада Советского Союза в Каспийском регионе, Азербайджане, Казахстане и Туркменистане появились новые производители энергии, стремящиеся разработать маршруты транспортировки своих углеводородов на международные рынки [Зонн, Жильцов 2008]. В середине 1990-х гг. США, продвигая идею коридора Восток–Запад, связывающего этих новых производителей с европейскими рынками, стремились ограничить присутствие России и Ирана на Каспии. Так родился первый газопровод будущего Южного газового коридора — Южно-Кавказский газопровод (ЮКТ), по которому природный газ из Азербайджана через Грузию доходит до турецкой границы.

Любые дальнейшие проекты по развитию инфраструктуры транспортировки природного газа от Каспийского и Черного морей до более широкой Европы, поддерживаемые ЕС или инициированные Россией, стали рассматривать Турцию как связующее звено для поставки ресурсов от производителей до конечных потребителей. С российской стороны два подводных газопровода объединили российско-турецкую торговлю природным газом: это «Голубой поток» и недавний «Турецкий поток», напрямую соединяющие Россию с Турцией по дну Черного моря.

Сегодня в новой динамике событий вокруг Черного моря и специальной

военной операции (СВО) на Украине любой анализ развития энергетики в регионе должен учитывать интересы Турции. При этом Анкара требует, чтобы быть признанной как нечто большее, чем просто транзитная страна между Азербайджаном, странами Ближнего Востока и Россией, а ЕС вынужден приспособлять свою политику в отношениях с Турцией к ее интересам.

С одной стороны, благодаря своей разносторонней и прагматичной дипломатии Анкаре удалось присоединиться как к трубопроводным проектам, поддерживаемым ЕС, так и к проектам, продвигаемым Россией, избегая принимать чью-либо сторону в своей трубопроводной политике. Это позволило Турции стать важнейшим транзитным коридором, незаменимым для транспортировки российских и нероссийских углеводородных ресурсов на европейские энергетические рынки. Поскольку украинская газотранспортная система постепенно сокращает объем потоков российского газа в Европу через свою инфраструктуру, Турция становится новой ключевой страной транзита для России. Именно Турция помогла реализовать Южный газовый коридор, поддерживаемый ЕС, когда она вместе с Азербайджаном взяла на себя инициативу по строительству второй ветки *TANAP*. Как следствие, и ЕС, и Россия считают Турцию на данный момент незаменимой для транспортировки столь необходимых углеводородов в Европу [Телегина, Халова 2021].

С другой стороны, особенно после открытия новых крупных газовых месторождений в 2018 и 2019 гг. в Восточном Средиземноморье, в ИЭЗ Кипра, и в 2020 г. — в Черном море, Турция продемонстрировала решимость считаться ключевым энергетическим игроком в регионе, будущим производителем и экспортером сама по себе, а не просто в качестве транзитного коридора. Все более напористый энергетический нарратив Анкары с 2018 г. сочетается с активными военными действиями в Сирии, Ливии, а с 2020 г. — и политическими инициативами на Южном Кавказе вокруг Нагорного Карабаха, а также в Восточном Средиземноморье и Эгейском море, где она оспаривает суверенитет Греции и Кипра. Такая активная внешняя политика Анкары дает веские основания для анализа более глубоких, экзистенциальных потребностей, лежащих в основе такого поведения.

В предыдущие годы Турция была мотивирована необходимостью подпитывать свою зависимую и энергоемкую экономику дополнительными поставками газа. В период с 2008 по 2018 г. потребление первичной энергии в Турции увеличивалось на 4,1% в год, при этом потребление природного газа показало среднегодовые темпы роста в 3% за тот же период, хотя в 2019 г. наблюдалось резкое снижение на 8,5%¹.

С этой целью Турция пошла на беспрецедентные шаги, чтобы доказать ЕС и России, что она способна использовать свои собственные ресурсы, что она является независимым игроком и полна решимости преодолеть свою зависимость, с которой ей пришлось столкнуться в прошлые годы.

Первый прямой газопровод из России в Турцию по дну Черного моря «Голубой поток» был введен в эксплуатацию в 2003 г., закрепив, наряду с существующим импортом по наземному Трансбалканскому газопроводу, зависимость Турции от российского газа. Хотя считается, что еще больше укрепил зависимость Турции от российского газа новый проект газопровода «Турецкий поток», заверченный в 2020 г. и обеспечивающий доставку газа напрямую из

¹ BP. Statistical Review of World Energy. — BP. 2020. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (accessed 18.02.2023).

России в Турцию по дну Черного моря. Тем не менее он создает определенные преимущества для турецкого рынка, т.к. обеспечивает прямой доступ к российским поставкам в обход рискованной Украины, устраняет транзитные сборы при поставках через Украину, Молдову, Румынию и Болгарию и уже расширен на другие европейские страны, что повлечет за собой требование Турцией транзитных сборов [Özertem 2017].

В отношениях между Турцией и Россией Черноморский регион, по оценкам ряда экспертов, представляется, с одной стороны, как конкурентная зона в борьбе за региональное лидерство, где пересекаются нынешние российские и турецкие геостратегические интересы, а с другой – как приоритетный регион сотрудничества, где Россия и Турция имеют общие цели по сохранению региональной стабильности и предотвращению возникновения каких-либо крупномасштабных конфликтов [Аватков, Гудев 2021].

Турция и Россия позиционируют себя как сильные и дееспособные региональные акторы, способные влиять на динамику конфликта и сотрудничества на своих театрах взаимодействия с ЕС и США. Энергетическое сотрудничество стало потребностью, чтобы быть признанными, способными, сильными, а также надежными энергетическими игроками.

Таким образом, после воссоединения Крыма с Россией в 2014 г., несмотря на активную защиту прав крымских татар и развитие экономических и военных связей с Украиной, Турция не присоединилась к санкциям США и ЕС против России, а Россия обратилась к помощи Турции для экспорта своего газа в обход Украины. Таким образом, две страны продолжили строительство газопровода «Турецкий поток», завершеного в 2020 г. [Tanchev 2020].

Однако, все больше беспокоясь о зависимости страны от импорта энерго-ресурсов, руководство Анкары постоянно искало альтернативу. Как и в случае с ЕС и Россией, диверсификация была лейтмотивом турецкой энергетической стратегии. Чтобы преодолеть эту зависимость, Анкара изучила разнообразные альтернативы российскому импорту: диверсификацию поставщиков (Азербайджан, Северный Ирак, Туркменистан, Израиль), диверсификацию источников (СПГ, возобновляемые источники энергии, атомная энергия) и диверсификацию маршрутов. Турция вместе с Азербайджаном активно участвовала в строительстве *TANAP*, второй ветки Южного газового коридора, поддерживаемого ЕС. Тем не менее некоторые ее усилия были сочтены менее успешными для заявленной цели, поскольку Турция не смогла снизить свою зависимость от российской энергии, в то время как политическая, коммерческая ситуация и проблемы безопасности не позволили найти новых поставщиков энергоносителей в Северном Ираке, Туркменистане и Израиле [Winrow 2017].

Пока Турции не удалось найти альтернативного поставщика, способного полностью заменить объемы газа, импортируемого из России, хотя доля российского газа в общем нетто-импорте природного газа Турцией в годы до начала СВО на Украине снизилась с 54,31% в 2009 г. до 33,61% в 2019 г.

Диверсификация лежит в основе турецкой энергетической стратегии, и поиск других поставщиков, кроме России, является ее ключевой задачей. Лидеры в Анкаре предусмотрели два основных варианта. Во-первых, более дешевым вариантом был бы импорт газа из Северного Ирака, от регионального правительства Курдистана. Однако серьезные политические препятствия в сфере безопасности не позволили такой альтернативе стать жизнеспособной из-за крайне нестабильной обстановки в Северном Ираке, а также из-за собственных сложных отношений Турции с местными властями, вызванных

оппозицией Анкары к притязаниям Курдистана на независимость [Rzayeva 2018]. Вторым вариантом заключался импорт Турцией дополнительного газа из Восточного Средиземноморья, а именно с Кипра и из Израиля. Однако сложные политические отношения Анкары с обеими странами до сих пор затрудняли реализацию этой альтернативы.

Несмотря на то что газ по-прежнему привлекателен для турецкой экономики, правительство Анкары в последние годы предприняло шаги для сокращения доли газа в энергетическом балансе страны, особенно в секторе производства электроэнергии, где газ потребляется больше всего [Сечкин 2020]. В 2022 г. доля Газпрома в продажах Турции значительно снизилась в первой половине года – до 14,2 млрд куб. м по сравнению с 29 млрд куб. м в первой половине 2017 г. Это произошло из-за беспрецедентных условий, вызванных пандемией COVID-19, в результате которой общий объем экспорта Газпрома в 2020 г. сократился на 15%¹.

Но это также имело место в контексте снижения использования газа в Турции для производства электроэнергии параллельно с увеличением доли внутренних источников энергии, таких как уголь, бурый уголь, ветер, солнечная и гидроэнергия. Однако, хотя объем импорта трубопроводного газа в 2019 г. снизился по сравнению с объемом импорта в 2018 г., а отношение импорта СПГ к общему объему импорта увеличилось, в первом полугодии 2020 г. трубопроводный газ по-прежнему составлял 54% общего объема импорта газа.

Быстрая замена трубопроводного газа на СПГ в настоящее время невозможна, т.к. Турция все еще имеет ограниченные мощности по регазификации, а национальная компания «БОТАШ» не имеет достаточно больших мощностей для хранения газа, особенно для пикового зимнего сезона. Турция отказалась вести переговоры с Республикой Кипр о строительстве совместного трубопровода. Анкара заявила, что некоторые из недавних газовых месторождений вокруг Кипра на самом деле принадлежат Турции, поскольку она не применяет международную Конвенцию ООН по морскому праву, в соответствии с которой государства осуществляют суверенные права на разведку, добычу и эксплуатацию природных ресурсов в пределах своих территориальных вод и исключительной экономической зоне. Турция, отказавшись подписать Конвенцию, применяет индивидуальное понимание морского права, считая, что все воды и ресурсы, простирающиеся над ее континентальным шельфом, принадлежат Турции².

В то же время в августе 2020 г. президент Турции Реджеп Эрдоган объявил об открытии крупного месторождения газа недалеко от турецкого побережья Черного моря – месторождения Сакарья и заявил, что к 2023 г. зависимость от импорта энергоресурсов Турция станет производителем и экспортером³.

В соответствии с действующим документом «Национальная энергетическая политика и политика добычи полезных ископаемых Турции», принятая в 2017 г. энергетическая политика направлена на снижение зависимости страны от импорта энергии и в итоге – на энергонезависимость [Karagöl et al. 2017].

¹ IEA. Gas Market Report. Q1-2021. – *IEA Publications*. 2021. P. 1-48.

² Gatopoulos A. 2020. Project Force: Battle for Resources in the Eastern Mediterranean. Greece-Turkey Tensions on the Rise as Neighbours Struggle over Oil and Gas Reserves and Disputed Maritime Territory. – *Al Jazeera*. 13 August. 2020. URL: <https://www.aljazeera.com/features/2020/8/13/project-force-battle-for-resources-in-the-eastern-mediterranean> (accessed 27.02. 2022).

³ Турция обнаружила крупное месторождение газа в Черном море. – *Известия*. 21.08.2020. Доступ: <https://iz.ru/1051077/2020-08-21/erdogan-obiavil-o-nakhozhdenii-krupnogo-mestorozhdeniia-gaza-v-chernom-more> BFHBFPIA (проверено 01.03.2023).

Основные усилия в реализации энергетической стратегии Турции направлены на 1) поиск углеводородов на шельфе Средиземного и Черного морей; 2) увеличение собственного производства энергии; 3) развитие турецкого энергетического рынка; 4) превращение Турции в энергетический хаб поставок углеводородных ресурсов в страны Европы.

Намерения Анкары вести разведку газа в Черном и Средиземном морях уже включены в качестве основной цели национальной энергетической стратегии в рамках безопасности поставок энергоносителей, наряду с растущей диверсификацией энергетических ресурсов и с увеличением естественной емкости для хранения газа и нефти, а также с укреплением энергетической инфраструктуры [Karagöl et al. 2017]. Второе направление – обеспечение автономности Турции от своих внешних поставщиков за счет увеличения собственного внутреннего производства энергии, в основном за счет угля и возобновляемых источников энергии.

Третье направление турецкой энергетической стратегии сосредоточено на развитии турецкого энергетического рынка и связано с необходимостью реструктуризации компаний энергетического сектора *TPAO* и *BOTAŞ* для более эффективной интеграции в энергетический рынок. Конечными целями энергетической стратегии Турции являются обеспечение растущей потребности в энергоносителях, снижение зависимости от импорта из России, а также превращение Турции в энергетический центр [Yilmaz-Bozkuş 2019].

Развитие атомной энергетики связано с растущим энергопотреблением в Турции. Россия реализует проект по строительству первой атомной электростанции в Турции «Аккую» на основании межправительственного соглашения, подписанного в 2010 г. Росатом осуществляет строительство АЭС с 4 энергоблоками на условиях *BOO (build, own, operate –* строй, владей, эксплуатируй). Турция рассчитывает, что строительство 1-го энергоблока АЭС «Аккую» будет завершено к маю 2023 г.

Повышение своего статуса в качестве энергетического хаба стало еще одним направлением турецкой энергетической политики в последние годы. Основным аргумент – особо выгодное расположение страны, на пересечении основных энергетических и транспортных коридоров между Азией и Европой, а также между Каспийским, Черным и Средиземным морями. Уникальное стратегическое положение Турции было помещено в основу политических и экономических дискурсов, оправдывающих роль Турции как незаменимого партнера во всех крупных региональных проектах. При этом страна находится в непосредственной близости от 73% мировых доказанных запасов нефти и 72% мировых доказанных запасов газа, что является неоспоримым географическим преимуществом [Erşen, Çelikpala 2019].

Турция сохранила за собой центральную роль в транспортировке нефти с Каспия в Средиземное море по трубопроводам Баку–Супса и Баку–Тбилиси–Джейхан, а также из черноморских портов – Новороссийска в России и Супсы в Грузии – на западные рынки через проливы Босфор и Дарданеллы. С этой целью правительство Анкары предусмотрело в своем Стратегическом плане на 2019–2023 гг. активизацию разведки нефти и газа и обеспечение необходимой инфраструктуры и рыночных условий для становления Турции в качестве торгового центра в области энергетики¹.

Когда в 2022 г. США, ЕС и ряд других стран ввели санкции против России,

¹ Turkey 2021. Energy Policy Review. – *International Energy Agency*. 03.2021. URL: <https://www.iea.org/reports/turkey-2021> (accessed 20.02.2023).

Турция, будучи членом НАТО, отказалась закрыть свое воздушное пространство для России или ввести санкции, заявив, что она признает только режим санкций ООН. Турецкие власти пошли еще дальше, предложив российским олигархам, столкнувшимся с глобальными санкциями, перевести свой бизнес в Турцию¹.

Тем не менее Анкара постоянно выражала свое неодобрение СВО России на Украине и осуждала попытку «изменения границ с помощью оружия», одновременно заявляя с первого дня о поддержке политического единства, суверенитета и территориальной целостности Украины, а также назвала Украину «стратегическим партнером Турции»². Несмотря на то что Турция не поддерживала СВО России на Украине и не предоставила Киеву необходимые для экспорта военные технологии, отношения Турции с Россией в области энергетики продолжились. В 2021 г., когда Россия уже сокращала поставки газа в ЕС, экспорт в Турцию увеличился на 63% по сравнению с предыдущим годом³, и газопровод «Турецкий поток» играл центральную роль в этой динамике энергетического сотрудничества между двумя странами.

Энергетический кризис 2021/2022 г. глубоко затронул энергетический рынок Турции и ее экономику в целом. Цена на природный газ на турецком рынке поднялась выше 180 долл. США за 1 000 куб. м. в конце 2020 г., а стоимость импорта газа в начале 2022 г. увеличилась до 600–700 долл. США за 1 000 куб. м. Рост цен на природный газ и бензин также привел Турцию к самой высокой инфляции за последние 20 лет, при этом турецкая лира рухнула до самого низкого уровня в истории. Гиперинфляция и дополнительная крупномасштабная безработица, которые серьезно повлияли на население Турции, произошли в очень сложное время, за год до 2023 г. — года президентских выборов и столетия Турецкой Республики. В этих условиях президент Турции не мог рисковать и поддерживать международные санкции против России, опасаясь, что они нанесут ущерб экономике страны и вызовут еще большее беспокойство населения.

Непростая ситуация вызвала у турецкого руководства две реакции. С одной стороны, Анкара активизировала свои усилия по диверсификации поставок нефти и газа, чтобы снизить свою зависимость от российского и иранского импорта и достичь большей энергетической независимости. С другой — Турция скорректировала свою политику, чтобы представить себя в качестве миротворца в Черном море и посредника в переговорах между Украиной и Россией.

Значимым проектом Турции по обретению энергетической независимости и престижа является открытие крупного газового месторождения в Черном море. На фоне конфликта на Украине и острого энергетического кризиса, а также с приближением символического 2023 г. Анкара ускорила свою геолого-разведочную деятельность и сохранила прогноз поставки первого газа с место-

¹ Kenez L. Erdoğan Invites Russian Oligarchs to Turkey: 'Our Door is Open'. — *Nordic Monitor*. March 26, 2022. URL: <https://nordicmonitor.com/2022/03/erdogan-invites-russian-oligarchs/> (accessed 20.02.2023).

² Press Release Regarding the Eighth Anniversary of the Illegal Annexation of Crimea. No. 88. *Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Turkey*. 16 March 2022, URL: https://www.mfa.gov.tr/no_-88_-kirim-in-yasadisi-ilhakinin-sekizinci-yildonumu-hk.en.mfa (accessed 20.02.2023).

³ IEA. Gas Market Report, Q2-2022, Including Global Gas Review 2021. — *IEA*. 2022. URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/cfd2441e-cd24-413f-bc9f-eb5ab7d82076/GasMarketReport%2CQ2-2022.pdf> (accessed 20.02.2023).

рождения Сакарья в 2023 г. по подводным трубопроводам в перерабатывающий терминал Филиос¹.

До 2022 г. Турция заявляла о себе как об энергетическом центре и сильном региональном субъекте, преисполненном решимости получить признание своего славного прошлого и предполагаемого триумфального будущего. Однако конфликт на Украине открыл для Анкары возможность добавить еще один уровень к своим претензиям на высокий статус: роль миротворца, единственного партнера, которого Киев и Москва признали в своих переговорах, что неожиданно повысило роль Турции в Европе.

К 2020 г. президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган объявил, что в 2023 г. Турция станет «неодолимой державой», будучи, по его мнению, уже «мощным региональным игроком такого масштаба, которого никогда не было в ее новейшей истории». Он подчеркнул стремление Турции стать «глобальным энергетическим центром», «поместить Турцию в число ведущих экономик мира» и «поднять Турцию на подобающее ей место»² «в следующей лиге» до юбилейного 2023 г.

Выдвигаемые руководством Турции цели и задачи обусловлены стремлением продвигать турецкие интересы в регионы, входившие в состав Османской империи, занять лидерские позиции в мусульманском мире и играть свою роль в геополитике, учитывая их влияние на российско-турецкие отношения [Долгов 2021].

Конфликт на Украине действительно дал Турции шанс повысить свои статусные претензии на более престижное положение в Европе и во всем мире. Как единственная страна, поддерживающая дружественные отношения как с Киевом, так и с Москвой, Турция предложила провести переговоры между Украиной и Россией и предприняла активные дипломатические усилия, подчеркнув свой вклад в восстановление мира в Черноморском регионе.

Решимость Анкары занять место за столом великих держав стала как никогда очевидной, когда в 2022 г. Турция воспользовалась своей позицией, чтобы воспрепятствовать вступлению Швеции и Финляндии в НАТО. Президент Турции заявил, что Скандинавские страны подобны гостевым домам террористических групп, имея в виду присутствие в этих странах изгнанных гюленистов и сторонников Рабочей партии Курдистана (РПК), признанных Анкарой террористами³.

Роль Турции в конфликте между Украиной и Россией не осталась незамеченной. Турция экспортировала в Киев много необходимого военного оборудования, почти в 30 раз больше в первом квартале 2022 г. по сравнению с предыдущим годом. Рост экспорта вооружений, который в 2021 г. уже достиг 3,2 млрд

¹ Ministry of Energy and Natural Resources of the Republic of Turkey. 2022. Türkiye's Fatih Drill Ship Starts Work on Third Exploration Well. — *Enerji.gov.tr*. 16.02.2022. URL: <https://enerji.gov.tr/news-detail?id=20951> (accessed 02.03.2023).

² Presidency of the Republic of Türkiye. We are Determined to Elevate Türkiye to Its Rightful Place in Economy. — *Tccb.gov.tr*. 20.12.2021. URL: <https://tccb.gov.tr/en/news/542/134053/-we-are-determined-to-elevate-turkiye-to-its-rightful-place-in-economy> (accessed 02.03.2023).

³ Aydogan M. «For now, Türkiye's View on Finland, Sweden Joining NATO not Positive»: President Erdogan. — *Anadolu Agency*. 13.05.2022. URL: <https://ecfr.eu/article/turkey-nato-and-the-ukraine-war-why-erdogans-grievances-are-about-more-than-sweden-and-finland/>; <https://www.aa.com.tr/en/politics/for-now-turkiyes-view-on-finland-sweden-joining-nato-not-positive-president-erdogan/2587144> (accessed 01.03.2023).

долл. США¹, повлек за собой столь необходимый финансовый прорыв для турецкой экономики, глубоко пострадавшей от экономического и валютного кризиса. Несомненно, самым известным экспортным продуктом в Украину стал боевой беспилотник *Bayraktar TB2*, который оказал существенную поддержку украинской армии.

Турция заинтересована в сохранении мира в Черном море. Во-первых, вооруженные действия по соседству сами по себе вызывают беспокойство. Во-вторых, непрерывная разведка и добыча на недавно открытых газовых месторождениях в западной части Черного моря также требуют безопасной и стабильной среды. Анкара очень рассчитывает на снижение энергозависимости и достижение столь желанного статуса независимого производителя газа и даже экспортера, что, несомненно, повысит значимость ее роли в Евразии.

С этой целью затянувшаяся СВО на Украине, ориентированная на боевые действия в Черном море, представляет серьезную угрозу планам Турции стать заметным энергетическим игроком в регионе, т.к. на буровые работы могут повлечь военные столкновения, плавучие дислоцированные мины, которые могут достичь ее вод, а также неопределенный итог конфликта.

Высоко оценивая свои усилия как единственного эффективного переговорщика между Украиной и Россией, турецкое руководство пошло еще дальше, обвинив ЕС и НАТО в неспособности занять серьезную и решительную позицию, заявив, что они ничего конкретно не делают для прекращения войны, ограничившись советами и осуждением. Критикуя западные державы за двойственность и даже неспособность защитить целостность Украины, президент Турции связал опыт Украины с опытом своей страны, которая, по его словам, сталкивалась с аналогичной ситуацией в прошлом, когда ее собственные границы находились под угрозой².

Несмотря на усилия получить признание в качестве сильного и незаменимого игрока, Турции не удалось добиться широкого признания со стороны ЕС. Президент Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен заявила в июне 2022 г., что Турция сейчас еще дальше от ЕС по сравнению с тем, что происходило четверть века назад, и ее выбор не применять европейские санкции против России показывает, насколько Турция не готова присоединиться к Европейскому союзу³.

Все более напористые действия Турции, иногда противоречащие позициям признанных крупных держав, ЕС и России, стали следствием беспокойства Анкары, основанного на страхе и необходимости преодолеть чувство стыда за историческое прошлое как проигравшей державы.

К этому стоит добавить усиление позиций России в Черном море после присоединения Крыма к России в 2014 г., начала СВО на Украине в 2022 г., а также внутренних событий в Турции, которые нарушили чувство стабильности и преемственности, включая неудавшийся государственный переворот в июле

¹ Ukraine's Defense Imports from Turkey Jumped 30-Fold in Q1-Turkish Data. — *Reuters*. 06.04.2022. URL: <https://www.reuters.com/world/ukraines-defence-imports-turkey-jumped-30-fold-q1-turkish-data-2022-04-06/> (accessed 21.02.2023).

² Presidency of the Republic of Türkiye. We are Determined to Use the Authority Given by the Montreux Convention in a Manner to Prevent the Escalation of the Crisis. — *Tccb.gov.tr*. 28.02.2022. URL: <https://www.tccb.gov.tr/en/news/542/135831/-we-are-determined-to-use-the-authority-given-by-the-montreux-convention-in-a-manner-to-prevent-the-escalation-of-the-crisis-> (accessed 21.02.2023).

³ Palaiologos. Y. Von der Leyen: Turkey 'Further Away' from EU. — *Kathimerini*. 21.06.2022. URL: <https://www.ekathimerini.com/news/1187214/von-der-leyen-turkey-further-away-from-eu/> (accessed 21.02.2023).

2016 г., экономический спад и крах валюты, усугубленные последствиями глобального энергетического кризиса.

Итак, основными задачами Турции в области энергетики являются диверсификация поставок, в первую очередь природного газа, включая строительство инфраструктуры для сжиженного газа, а также роль хаба для энергоносителей, которые направляются из России, Восточного Средиземноморья, Азербайджана, Туркмении Ирана, Ирака в страны ЕС.

Одновременно с этим Турция не желает больше быть в роли мелкого игрока и простого транзитного государства. Турецкая Республика целенаправленно проводит курс на усиление своей роли в мировых геополитических процессах. Взаимодействие Турции с Россией в области энергетики выступает ключевым фактором, который влияет на внешнеполитический курс Турецкой Республики.

Продолжение энергетического сотрудничества необходимо как для России, так и для Турции. Потеряв в 2022 г. значительную долю своего крупнейшего рынка – ЕС, – Россия сохраняет поставки газа в Турцию, одновременно пытается найти альтернативных импортеров углеводородных ресурсов, вытесненных с европейского рынка. Экономика Турции по-прежнему сильно зависит от импорта газа, несмотря на ее амбициозные проекты. В целом, взаимовыгодное сотрудничество, учитывающее позиции и интересы Турции и России, является хорошим фундаментом для укрепления региональной безопасности. По этим причинам, реализуя энергетические проекты, а также военные и политические инициативы в нескольких регионах мира, Турция настойчиво пытается повысить свой статус региональной державы, стремясь играть более значимую и активную роль на международной арене, комбинируя политику конкуренции и сотрудничества.

Список литературы

Аватков В.А., Гудев П.А. 2021. Геополитика российско-турецких отношений в Черноморском регионе. – *Вестник Российского университета дружбы народов*. Сер. Политология. Т. 23. № 3. С. 348–363. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-348-363.

Долгов Б.В. 2021. Россия и Турция в региональном и геополитическом пространстве. – *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 14. № 3. С. 147-160. DOI 10.23932/2542-0240-2021-14-3-8.

Зонн И.С., Жильцов С.С. 2008. *Новый Каспий: география, экономика, политика*. М.: АСТ. 542 с.

Сечкин М.А. 2020. Сотрудничество России и Турции в энергетике. – *Международная экономика*. № 10. С. 52-60. DOI 10.33920/vne-04-2010-05.

Телегина Е., Халова Г. 2021. Энергетическая политика Турции на современном этапе. – *Энергетическая политика*. № 9(163). С. 42-49. DOI 10.46920/2409-5516_2021_9163_42.

Erşen E., Çelikpala M. 2019. Turkey and the Changing Energy Geopolitics of Eurasia. – *Energy Policy*. Vol. 128. P. 584-592.

Karagöl E.T., Kavaz İ., Kaya S., Özdemir B.Z. 2017. National Energy and Mining Policy of Turkey. – *Analysis*. No. 35. URL: <https://setav.org/en/assets/uploads/2017/08/Analysis35.pdf> (accessed 06.05.2023).

Özertem H.S. 2017. Turkey and Russia: a Fragile Friendship. – *Turkish Policy Quarterly*. Vol. 15. No. 4. P. 121-134.

Rzayeva G. 2018. *Gas Supply Changes in Turkey*. The Oxford Institute for Energy Studies. 19 p.

Tanchev A. 2020. Securitization in the Black Sea Region. – *Austrian Institute for European and Security Policy*. No. 11. P. 1-36.

Winrow G. 2017. Turkey and Russia: The Importance of Energy Ties. – *Insight Turkey*. Vol. 19. No. 1. P. 17-32.

Yilmaz-Bozkuş R. 2019. Analysis of Turkey's Role as a Possible Energy Hub. – *GeoJournal*. Vol. 84. No. 5. P. 1353-1364.

KHLOPOV Oleg Anatol'evich, Cand.Sci. (Pol.Sci.), Associate Professor at the Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Regional Studies, Russian State University for the Humanities (RGGU) (6 Miusskaya Sq, Moscow, GSP-3, Russia, 125993; rggv2007@rambler.ru)

RUSSIA IN TURKEY'S ENERGY POLICY

Abstract. Today, Europe's energy policy has become a hostage to the unsettled rivalry between the EU and Russia, and the geopolitical competition between the US and Russia, which is also penetrating into the energy sphere of the world's leading actors. At the same time, the binary interpretation of interactions, which have overwhelmingly dominated in the analysis of energy relations in Europe in recent decades, is outdated. The South Caucasus, the Black Sea, and the neighboring Eastern Mediterranean have in recent years turned Turkey into a third key player whose interests are closely connected to Russia. Turkey's energy policy is aimed at increasing its energy independence, which implies the diversification of imports of hydrocarbon resources, turning Turkey into an energy hub in order to strengthen its role in the Mediterranean Region and on the international arena, especially after the beginning of special military operation by Russia in Ukraine in 2022.

Keywords: energy policy, geopolitics, international relations, rivalry, energy security, cooperation, Russia, Turkey, EU